

С.Г. Важенин, И.С. Важенина

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ В КОНКУРЕНТНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются феномены жизнестойкости и уязвимости территории в конкурентном экономическом пространстве и предлагается толкование соответствующих понятий. Для классификации возможных сбоев и других деструктивных ситуаций представляется перспективной разработка карты уязвимости территории. На основе данных социологического опроса, проведенного авторами, сделан вывод о том, что в целях снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий требуется максимально реализовать их конкурентное сотрудничество. В качестве одного из механизмов повышения жизнестойкости территорий видится программа аграрно-промышленной кластеризации. Показано, что жизнестойкость территорий непосредственно зависит и от институциональной среды для бизнеса в регионе, и от мобильности экономики на данной территории, и от репутационной зрелости территории в конкурентном экономическом пространстве.

Ключевые слова: жизнестойкость и уязвимость территории, конкурентное сотрудничество, аграрно-промышленная кластеризация, доверие, мобильность экономики

«Жизнестойкость» – понятие, используемое в различных сферах. Не существует общепринятого определения жизнестойкости, единого понимания ее сущности и основных характеристик. Наиболее общие определения даются в толковых словарях. Так, согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова, жизнестойкий – это упорно отстаивающий свое существование, такой устойчивый, крепкий, что трудно

разрушить. А например, в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой жизнестойкий – это способный сопротивляться неблагоприятным жизненным обстоятельствам, условиям. Можно трактовать жизнестойкость и как упругую деформацию, гибкость, устойчивость (в английском – *resilience*). Термин «*resilience*» позаимствован из материаловедения, где он означает свойство тел восстанавливать свою форму после прекращения внешнего воздействия.

В экономической теории проблема жизнестойкости бизнеса длительное время игнорировалась, к ее изучению в практических целях ученые обратились недавно. Основоположителем исследований феномена жизнестойкости в экономике принято считать профессора Университета Миннесоты Н. Гармези. Весомый вклад в разработку данной проблемы внес Й. Шеффи [19]. Секретам жизнестойкости и выявлению качеств и элементов живучести организации посвящена работа Д.Л. Кутю [11]. Представляется удачным толкование жизнестойкости организации, предложенное профессором И. Чернявским: «Жизнестойкость – это способность организационной структуры противостоять угрозам, быстро восстанавливаться» [18, с. 72].

Понятие «жизнестойкость территории» можно трактовать аналогично. Жизнестойкость территории – это ее способность преодолевать препятствия, компенсировать потери, связанные, например, с несовершенством институциональной среды, различными негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями. Кроме того, жизнестойкость рассматривается и как способность к восстановлению конкурентного иммунитета территории после разного рода сбоев, деструктивных процессов в развитии страны или отдельных регионов. Жизнестойкость города, региона, страны формируется в процессе их взаимодействия с другими территориями в конкурентном экономическом пространстве в результате успешной адаптации к изменяющимся условиям и проявляется в ситуации вызова, угрозы, кризисных явлений.

Сложность изучения феномена жизнестойкости связана с тем, что «жизнестойкость – это качество, о наличии которого узнаешь лишь после того, как пришлось им воспользоваться» [11, с. 92]. Территориям требуется учиться выживать и поддерживать свои конкурентные

позиции еще до того, как в этом возникнет необходимость, и еще без четкого понимания, когда и какие именно угрозы появятся, т.е. им надо формировать конкурентный иммунитет. Думается, что жизнестойкость зависит от умения минимизировать риски при ведении конкурентной борьбы в экономическом пространстве за те или иные ресурсы, активы. Дело в том, что жизнестойкость территории не означает ее неуязвимость, – скорее, это способность восстанавливать функционирование и конкурентоспособность после негативных явлений, вызванных деструктивными ситуациями или чрезвычайными происшествиями, способность идти наперекор обстоятельствам, умение находить нетривиальные решения и возвращаться к «дострессовой компетентности».

Противоположностью жизнестойкости является уязвимость территории, которая характеризуется многими, причем изменчивыми, факторами, которые вряд ли возможно свести в какой-либо единый показатель «ожидаемой уязвимости». Тем не менее для классификации возможных сбоев и других деструктивных ситуаций представляется перспективной разработка карты уязвимости территории, состоящей из восьми квадрантов: финансовой уязвимости, стратегической уязвимости, уязвимости в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей, операционной уязвимости, информационной уязвимости, коррупционно-криминальной уязвимости, репутационной уязвимости и демографической уязвимости.

Финансовая уязвимость – это широкий спектр макроэкономических и внутренних финансовых проблем: от возникновения дефицита бюджета до колебания обменного курса валют и изменения цен на топливо и сырье, от ошибок в финансовой отчетности до сбоев в финансово-кредитной инфраструктуре и т.п.

Стратегическая уязвимость связана с негативными событиями, которые можно предотвратить или минимизировать, избрав правильную стратегию. Это могут быть внешнеполитическая нестабильность и протестные выступления населения, погрешности планирования и сезонные колебания потребительского спроса, появление новых конкурентов за рубежом и снижение рейтинга конкурентоспособности и т.п.

Уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей возникает в связи с суровыми климатическими условиями,

в результате пожаров, наводнений, землетрясений и других природных катаклизмов, а также под влиянием техногенных факторов и вследствие неосторожных действий людей (аварии, катастрофы) и т.п.

Операционная уязвимость связана с вероятностью возникновения экономического ущерба вследствие, например, высоких административных барьеров, сбоев в системе поставок и сбыта, дефицита кадров, присвоения или растраты имущества и т.п.

Информационная уязвимость обусловлена сбоем в бизнесе из-за запоздалой, неполной или искаженной информации о ситуации на рынке, о поведении конкурентов, об изменениях в законодательстве. Также информационная уязвимость вероятна вследствие вирусных или хакерских атак, сбоев IT-систем и т.д.

Коррупционно-криминальная уязвимость порождается прежде всего «заигрыванием» с органами государственной власти и управления, сращиванием власти и бизнеса с криминальными структурами. Она связана с масштабностью теневой экономики, высоким уровнем правонарушений, включая экономические преступления, а также с умышленным вредительством, внутренним и международным терроризмом.

Репутационная уязвимость вероятна как в связи с неадекватным позиционированием территории в экономическом пространстве, так и с некорректными взаимоотношениями с целевыми аудиториями (жителями, инвесторами, представителями бизнеса, туристами и т.д.), властными структурами, СМИ, включая нарушение деловых и этических норм, утрату доверия к власти и бизнесу и т.п.

Демографическая уязвимость обусловлена неблагоприятной демографической ситуацией в стране, регионе, связанной в том числе с миграционными процессами, ростом смертности населения и снижением рождаемости, сложившейся половозрастной структурой населения территории и т.п.

Решить проблему потери жизнестойкости территории по причине того или иного сбоя только методами антикризисного управления вряд ли возможно, поскольку «лечение» в этом случае происходит «в пожарном режиме», а восстановление утраченной жизнестойкости территории сегодня не гарантирует, что завтра она не окажется

снова подорванной. Необходим целый комплекс действий, позволяющих заранее выявлять и оценивать риски и уровень уязвимости территории. Кроме того, требуется разработка совокупности превентивных мероприятий, цель которых не допустить потери жизнестойкости территории.

В современном экономическом пространстве имеется много примеров потери территориями жизнестойкости с последующими деструктивными процессами. Так, проблемы с банкротством Детройта подогрели интерес к жизнестойкости отдельных городов и регионов. В России стала обсуждаться идея введения в законодательство процедуры банкротства территорий вместо решения проблем с долгами регионов в «ручном режиме» путем их погашения за счет федеральных субсидий (так называемый механизм «ручной расшивки»). Пока в российских регионах отвергают эту идею, но исключать вероятность ее проработки не следует, учитывая, например, опыт США, где муниципальное банкротство предусмотрено американским законодательством.

Утрата жизнестойкости в конечном итоге может приводить к упадку целых городов и регионов и даже к исчезновению поселений. Исследование механизмов формирования и поддержания жизнестойкости предполагает изучение факторов, влияющих на нее.

В докладе ООН «Состояние городов мира 2012/2013», в частности, представлены рейтинги, с одной стороны, стремительно исчезающих, а с другой – наиболее быстро развивающихся городов. Мегалополисы, например, оценивались по пяти факторам: по экономической продуктивности, качеству жизни, состоянию инфраструктуры и окружающей среды, а также по социальной справедливости¹.

В 2011 г. Минрегионразвития России сообщило, что за 20 лет в стране исчезло 23 тыс. населенных пунктов. К сожалению, неуклонно растет список городов, находящихся на грани выживания². Например,

---

¹ См.: ООН составила доклад о быстро исчезающих городах. – URL: <http://www.nr2.ru/inworld/409868.html> .

² См.: Руины и нищета. Каждый год с карты России исчезает тысяча населенных пунктов. – URL: <http://svpressa.ru/society/article/58400> .

на Среднем Урале в 2012 г. насчитывалось около 40 городов, деградирующих с экономической точки зрения³.

Сегодня в России существует много проблемных городов, среди которых преобладают моногорода, где градообразующее предприятие определяет практически все происходящие в нем экономические и социальные процессы. Эти территориальные образования наиболее сильно пострадали в результате рыночных реформ и кризисных явлений в экономике, сопровождающихся масштабным спадом производства, резким ростом безработицы. Дело в жесткой зависимости жизнестойкости города от финансово-экономического благополучия градообразующего предприятия. В настоящее время в стране насчитывается около 300 моногородов, в которых проживает 16 млн чел. Правительство РФ подразделяет моногорода на категории по экономической ситуации: стабильные (89 моногородов), наиболее сложные (75) и города, где есть риски ухудшения (149) [3].

По оценкам экспертов Центра стратегических разработок (ЦСР), большинство моногородов могут пойти по пути индустриальной диверсификации и создать от 60 до 90 тыс. рабочих мест. В ЦСР считают, что нужно развивать муниципальные индустриальные парки и особые экономические зоны, где закрепится средний бизнес, который в будущем может стать основой городской экономики. Это приведет к диверсификации местной экономики и ослабит зависимость от градообразующего предприятия [13].

Механизмом, способствующим повышению жизнестойкости проблемных территорий России (в том числе моногородов), может стать *комплексная программа региональной аграрно-промышленной кластеризации*, концепция которой разработана авторами настоящей статьи. Реализация подобной программы может явиться предпосылкой для выхода России и ее отдельных территорий из кризиса за счет оптимизации структуры экономики и ее диверсификации, за счет роста аграрного и перерабатывающего производств, легкой промышленности, за счет увеличения численности занятых, за счет стимулирования

---

³ См.: На Среднем Урале нашли «мертвые» муниципалитеты. – URL: <http://www.nr2.ru/ekb/389509.html> .

внутреннего спроса и т.д. В условиях экономических санкций программа позволит решать проблему импортозамещения.

Концепция программы предусматривает создание региональных агропромышленных кластеров. Комплексность программы проявляется в том, что она нацелена не только на развитие агропромышленной сферы, но и на решение многих взаимосвязанных социально-экономических проблем. Предлагаемый комплекс мероприятий может породить мощнейший мультипликативный эффект, что позволяет рассматривать программу в качестве значимого антикризисного проекта. Данные мероприятия частично финансируются из государственного бюджета, а также предполагается привлечение инвесторов на основе государственно-частного партнерства. На рисунке 1 представлены институциональные предпосылки программы.

Особенностью нашего предложения является то, что аграрно-промышленный кластер формируется не только и не столько за счет

Рис. 1. Институциональные предпосылки комплексной программы региональной аграрно-промышленной кластеризации

объединения уже существующих хозяйствующих структур и налаживания связей между ними. Кластер и ряд структур, его составляющих могут создаваться почти «с нуля». Очень важно, что при этом могут быть задействованы территории, ранее хозяйственно не освоенные.

Основные составляющие программы аграрно-промышленной кластеризации показаны на рис. 2. Пошаговый алгоритм программы и комплекс программных мероприятий представлены в ряде наших работ [4–6]. В ходе реализации программы можно решить многие жизненно важные для России проблемы:

- поднять сельскохозяйственное производство;
- воссоздать отечественное перерабатывающее производство на современной технологической и экономической основе;
- внести вклад в решение жилищной проблемы;
- повысить жизнестойкость территорий и региональную конкурентоспособность;
- решить проблему занятости в моногородах, разместив в них предприятия пищевой, легкой и фармацевтической промышленности, строительные и ремонтные производства, логистические организации (транспортные, складские, снабженческие и др.), предприятия, производящие машины и оборудование для сельского хозяйства и перерабатывающих производств, научно-исследовательские и учебные заведения и т.д.;
- обеспечить приток населения на малонаселенные территории, стратегически важные для России, например на территории Сибири и Дальнего Востока;
- создать дополнительные рабочие места в дорожном и жилищном строительстве, в производстве стройматериалов, в сооружении объектов инфраструктуры, в сферах разработки и производства сельскохозяйственной техники и оборудования для перерабатывающей промышленности и т.д.;
- стимулировать внутреннее потребление;
- создать условия для восстановления трудовой мотивации работников в сельском хозяйстве;
- решить продовольственную проблему и обеспечить продовольственную безопасность страны;

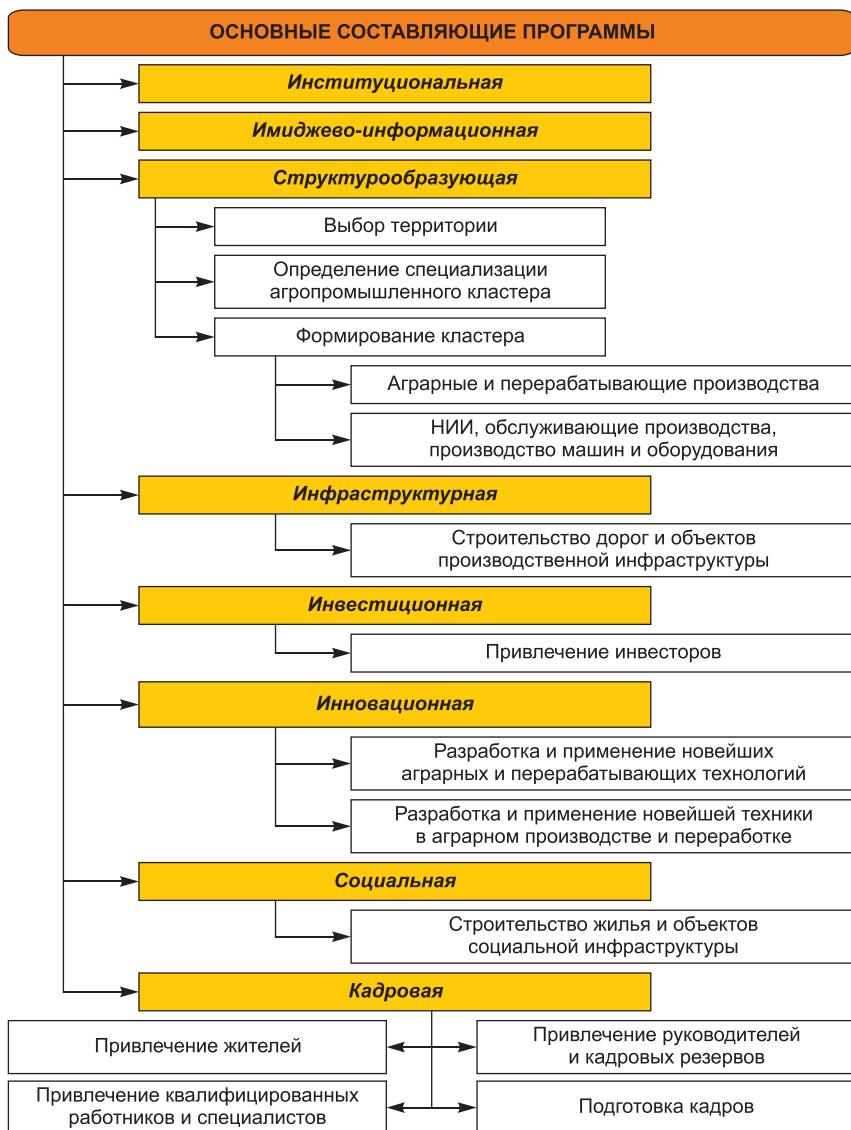

Рис. 2. Основные составляющие комплексной программы региональной агро-промышленной кластеризации

- обеспечить удовлетворение потребностей населения за счет собственного производства одежды, обуви, кожгалантереи и проч. из отечественного сырья;
- улучшить лекарственное обеспечение населения и т.д.

Реализация программы даст возможность повысить жизнестойкость как городов и регионов, так и страны в целом, позволит существенно поднять уровень и качество жизни населения, будет способствовать росту национального благосостояния, социально-экономической суверенизации, нивелирует соответствующие угрозы национальной безопасности.

Диверсификация и кластеризация экономики возможны, к сожалению, не везде, они не могут быть гарантированными моделями помощи всем территориям. Поэтому Минэкономразвития некоторые неперспективные моногорода предлагает «закрывать», а их жителям придется стать более мобильными, т.е. быть готовыми к переезду в другие места.

В России предпринимались попытки сохранить ряд стагнирующих, теряющих жизнестойкость регионов путем их объединения⁴. Проанализировав результаты объединений ряда регионов, сотрудники Института современного развития пришли к выводу, что суммарно они имеют нулевой эффект [8]. Этот проект власти не повысил управляемость территорий, не решил назревшие социально-экономические проблемы, тормозящие развитие территорий и снижающие их жизнестойкость. Эксперты не обнаружили никакого экономического эффекта от всех таких объединений.

Адекватная региональная политика – это не только управление по вертикали, но и связь по горизонтали между регионами через совместные инфраструктурные проекты, развитие межрегиональной кооперации. Не случайно В.Н. Лексин среди многочисленных российских

---

⁴ С 1 декабря 2005 г. в Пермский край включены Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ; 1 января 2007 г. Красноярский край объединил Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО и Эвенкийский АО; 1 июля 2007 г. путем слияния Камчатской области и Корякского АО образовался Камчатский край; 1 января 2008 г. в состав Иркутской области вошел Усть-Ордынский Бурятский АО; 1 марта 2008 г. Забайкальский край объединил Читинскую область и Агинский Бурятский АО.

рисков для стабильного функционирования государства и регионов особо выделил риски, обусловленные разорванностью экономического и социального пространства – крайне слабыми хозяйственными и социальными связями между большинством регионов и муниципальных образований [12].

В конкурентном экономическом пространстве жизнестойкость территории все больше зависит от ее умения сотрудничать и завоевывать доверие, так как разделение рисков с другими, конкурирующими территориями минимизирует возможные потери. Чем с большим числом экономических агентов сотрудничает территория, тем выше ее жизнестойкость, хотя необходимо отметить, что с увеличением числа партнеров на конкурентном рынке могут увеличиваться и риски. Однако и применительно к территориям сохраняет актуальность утверждение, что «сотрудничество – это рискованный, но и неизбежный выбор бизнеса» [15, с. 35].

В достижении своих целей территориям приходится все больше сотрудничать с другими регионами, компаниями. Поэтому у ряда ученых-экономистов и практиков возникла идея: нельзя ли получить выгоду от сотрудничества и с конкурентами (раз уж они все равно существуют и никуда не исчезнут) или по крайней мере разделить с ними риски? Особенно привлекательным представляется конструктивное объединение преимуществ сотрудничества с выгодами от конкуренции [7; 10; 14]. Сотрудничество может стать основой для формирования стратегического преимущества, платформой для снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве. Диалектика экономического развития показывает, что существование и даже процветание конкурентов могут быть выгодными. Иногда лучший способ добиться успеха – это дать возможность преуспеть другим [1].

Конкурентное сотрудничество компаний и особенно территорий в российской экономике по-прежнему редкое явление. Потенциал конкурентного сотрудничества остается недооцененным либо вообще не востребованным. Но уже приходит понимание того, что конкурентное сотрудничество – это неизбежность, которую надо не только признать, но и максимально использовать в целях снижения своей

уязвимости и повышения жизнестойкости в конкурентном экономическом пространстве. Это подтвердили результаты социологического опроса, проведенного авторами в середине 2013 г.⁵ Оказалось, что респонденты позитивно относятся к конкурентному сотрудничеству территорий: три четверти опрошенных ответили «да» и «скорее да, чем нет» (табл. 1).

Конкурентная борьба ведется регионами для того, чтобы быть и оставаться в будущем лидерами в стране по уровню социально-экономического развития, становиться все более привлекательными для инвестиций, для притока квалифицированных кадров и т.д. Однако стремление победить в конкурентной борьбе любой ценой не всегда ведет к позитивному результату в полном смысле этого слова. Зачастую не имеет смысла биться до победного конца. Обычно конкурирующие регионы идут на добровольное самоограничение своих экономических интересов и между ними развивается конкурентное сотрудничество, для реализации которого существует три основные причины:

1) возникают разного рода ситуации политического, социально-экономического и природного характера, которые требуют от конкурирующих регионов скоординированных действий;

---

⁵ Опрос был посвящен оценке конкуренции и перспектив становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве. Всего было получено 367 анкет от представителей органов власти и управления (128 респондентов), бизнеса (111 респондентов) и научного сообщества (142 респондента) Уральского и Приволжского федеральных округов. Среди представителей власти и управления депутаты областных и городских дум, ведущие специалисты экономических министерств и ведомств Свердловской, Челябинской, Тюменской, Оренбургской и Курганской областей, а также работники экономических комитетов городов Екатеринбург, Нижний Тагил, Ижевск, Пермь. В числе представителей бизнеса руководители и заместители руководителей предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в Свердловской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Пермской областях, а также в Республике Башкортостан и Удмуртской Республике. Научное сообщество в опросе представлено учеными-экономистами Института экономики УрО РАН, Уральского государственного экономического университета, Тюменского государственного нефтегазового университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Удмуртского государственного университета.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли вы конкурентное сотрудничество соперничающих территорий?», %

Вариант ответа	Все респонденты	В том числе представители		
		власти	бизнеса	науки
Да	27	19	24	36
Скорее да, чем нет	46	57	34	45
Скорее нет, чем да	12	14	18	6
Нет	7	4	9	7
Затрудняюсь ответить	8	6	15	6
В с е г о	100	100	100	100

2) у конкурирующих регионов имеются общие интересы (например, в создании и эксплуатации инфраструктурных объектов, в борьбе с различного рода преступлениями, в том числе в экономической сфере и т.д.);

3) зачастую масштабная и ожесточенная борьба не стоит «пролитой крови», поскольку «конкурентные затраты» оказываются больше, чем полученный выигрыш.

Добровольное ограничение регионами своих экономических интересов в целях достижения консенсуса – весьма новый взгляд на конкурентное поведение территорий в современной России. Примечательно, что более половины участников опроса поддерживают некоторые самоограничения территорий при организации конкурентного сотрудничества. На вопрос: «Поддерживаете ли вы некоторые ограничения территорий, применяемые ими самими при организации конкурентного сотрудничества?» – были получены следующие ответы: «да» – 11% респондентов, «возможно, но избирательно» – 51%, «нет» – 16% и «затрудняюсь ответить» – 22%.

Среди наиболее результативных мер поддержки конкурентного сотрудничества территорий все три группы респондентов вполне справедливо выделили участие в стратегических проектах, альянсах

(23% опрошенных), а также совместную реализацию целевых программ (24%). В мире, в том числе и в России, известны случаи успешного сотрудничества в разработке и реализации межрегиональных стратегических проектов с участием нескольких конкурирующих территорий. Например, в Уральском фармацевтическом кластере объединены 25 предприятий Свердловской и Челябинской областей. А в проекте строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Екатеринбург – Москва выразили намерение участвовать Владимирская и Нижегородская области, Республика Татарстан и Республика Башкортостан. В октябре 2013 г. открыта трасса Ивдель – Ханты-Мансийск, которая даст мощный импульс развитию двух крупнейших регионов Уральского федерального округа – Ханты-Мансийского АО и Свердловской области. Конкурентное сотрудничество территорий получает признание и на международном уровне. Так, Зауралье и Казахстан планируют создать международное объединение городов – приграничную агломерацию Кургана и Петропавловска⁶.

Нельзя оставить без внимания и то, что становление конкурентного сотрудничества территорий немислимо без должного доверия как в экономике соперничающих территорий, так и непосредственно во взаимоотношениях между самими регионами и муниципалитетами. Доверие стимулирует экономическое взаимодействие, обеспечивает стремление к сотрудничеству и выполнению принятых на себя обязательств. Как утверждает М. Грановеттер, «экономическая деятельность часто загнана в угол из-за отсутствия доверия» [9, с. 83].

К сожалению, в России, в большинстве ее регионов и городов доверие к власти со стороны бизнеса и населения остается на низком уровне. Требуется также повысить уровень доверия в экономике страны между регионами. Наш опрос показал, что 42% респондентов оценили уровень доверия в экономике как «ниже среднего» и «низкий» (табл. 2). Причем если у представителей власти доля таких ответов составила 26%, то у бизнесменов – 41%, а у научного сообщества – уже более половины (56%).

---

⁶ См.: *Агломерация без границ*. – URL: [http:// www.invur.ru/news&id=103821](http://www.invur.ru/news&id=103821) .

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы оценили сегодняшний уровень доверия в экономике России (между регионами – субъектами РФ)», %

Вариант ответа	Все респонденты	В том числе представители		
		власти	бизнеса	науки
Высокий	–	–	–	–
Выше среднего	5	8	4	4
Средний	42	58	40	29
Ниже среднего	30	22	27	39
Низкий	12	4	14	17
Затрудняюсь ответить	11	8	15	11
В с е г о	100	100	100	100

Думается, что в данном случае представители власти, которые провозглашают ориентацию на сотрудничество и становление доверия в экономике, в своих ответах выдают желаемое за действительное. Проблема формирования доверия между регионами и в экономике России в целом остается крайне актуальной, и от ее решения будут зависеть в том числе конкурентная зрелость и жизнестойкость территорий в современном экономическом пространстве.

В России, особенно в последнее время, сотрудничество территорий получает свое материальное воплощение. Так, 6 ноября 2014 г. Ханты-Мансийский АО и Томскую область, ранее разделенные р. Вах, связал новый мост. Его пропускная способность составляет 5,5 тыс. единиц транспорта в сутки. В строительстве объекта участвовали бюджеты Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Тюменской и Томской областей. Мостовой переход считается одним из основных объектов Северного широтного коридора – автомобильной дороги Пермь – Серов – Ханты-Мансийск – Сургут – Нижневартовск – Томск.

Повышение жизнестойкости территорий, несомненно, обеспечивается не только диверсификацией их экономики и развитием

конкурентного сотрудничества. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве непосредственно зависит и от институциональной среды для бизнеса, и от мобильности экономики в данном регионе, и от репутационной зрелости территории.

Не вызывает сомнений, что жизнестойкость территорий будет тем выше, чем совершеннее будет институциональная среда, регламентирующая предпринимательскую деятельность. О том, насколько это актуально для современной России, убедительно говорят результаты исследования Всемирного банка, в котором представлена оценка регулирования предпринимательской деятельности в 30 городах России. Исследование показало, что несмотря на наличие единого правового и институционального поля, местные органы власти зачастую по-разному истолковывают и применяют федеральные законы⁷. Так, срок создания компаний составил от 16 дней в Калининграде до 33 дней в Екатеринбурге. Стоимость регистрации компании варьирует от 1,7% от годового дохода на душу населения в Казани до 3% в Сургуте и Хабаровске (при средней по России в размере 2,3%). Срок получения разрешений на строительство составляет от 150 дней в Сургуте до 448 дней в Твери (при среднероссийском показателе 269 дней), а затраты на получение разрешений на строительство – от 40% от дохода на душу населения в Казани до 418% в Самаре. Регистрация прав собственности – 13 дней в Хабаровске и 60 дней в Якутске. Присоединение к электрическим сетям во Владикавказе занимает 120 дней, а в Екатеринбурге – 360 дней.

Следует согласиться с утверждением, что в России при несовершенной институциональной среде и неразвитости федерализма, предусматривающего экономическую и политическую автономию регионов, большинство территорий оказываются просто не в состоянии участвовать в глобальной экономике, привлекать инвестиции, а в конечном счете – сохранять свою жизнестойкость [2]. У многих территорий уязвимость сопровождается депрессивностью и безынициативностью, но это не только и не столько следствие дефицита тех или

---

⁷ См.: *Ведение бизнеса в России* – 2012. – URL: <http://russian.doingbusiness.org/reports/subnational-reports/russia> .

инных ресурсов, а в значительной степени продукт слабой институциональной «поддержки».

В архитектуре жизнестойкости территории все активнее проявляет себя репутационная зрелость регионов и городов, составляющими которой выступают их привлекательный имидж и позитивная репутация. Дело в том, что действенные имиджево-репутационные преобразования не только ведут к результативному продвижению территорий в конкурентном экономическом пространстве, но и практически не тиражируются. Общеизвестно то, что имидж и репутацию невозможно купить, их можно только заработать.

В проведенном авторами в 2013 г. социологическом опросе был задан вопрос: «За что, по вашему мнению, конкурируют регионы и города?». В качестве приоритетных целей конкурентной борьбы регионов и городов респонденты отметили следующие: «привлечение российских и иностранных инвестиций» (18% от общего числа ответов), «право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий» (13%), «привлекательный имидж и позитивная репутация» (10%). В этой связи представляется важным знать наиболее результативные инструменты формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории. Результаты опроса выявили следующие три наиболее результативных инструмента: «стратегические проекты развития регионов и городов» (14% от общего числа ответов), «организацию выставок, ярмарок, конкурсов и т.д.» (13%) и «проведение деловых, культурных и спортивных мероприятий» (13%).

Сегодня, когда мир и Россия вступают в новый виток экономического кризиса, мобильность экономики, т.е. отсутствие привязанности к конкретному месту, виду экономической деятельности, свободное движение в экономическом пространстве, это способ более эффективного использования имеющихся ресурсов и активов, способ сохранения жизнестойкости компаний, городов и регионов. Мобильность⁸ все более явно становится неперенным условием ведения бизнеса.

---

⁸ Согласно Экономическому словарю (2007 г.), мобильность (англ. *mobility*) – мера подвижности экономических ресурсов, факторов производства, их способность перемещаться между разными сферами использования.

Об этом, в частности, говорит и то, что понятие мобильности из ИТ-сферы активно переходит в менеджмент и управление бизнесом.

Конкурентная экономика, с одной стороны, все заметнее инициирует создание новых фирм и содействует их активной деятельности, до тех пор пока вновь созданные корпорации остаются конкурентоспособными. С другой стороны, она беспощадно избавляется от тех компаний, которые теряют жизнестойкость, не могут успешно бороться с конкурентами на соответствующем рынке. Сейчас все меньше компаний сохраняют шансы на то, чтобы оставаться в категории «долгожителей» и удерживать свои позиции на конкурентном рынке. Если в 20–30-е годы XX в. ротация предприятий в индексе Standard and Poor's (S&P) составляла около 1,5% в год (компании, попавшие в S&P, могли рассчитывать на сохранение своих позиций в нем в среднем в течение 65 лет), то экстраполяция данных за предшествующие периоды позволяет утверждать, что к концу 2020 г. средняя продолжительность пребывания компаний в индексе S&P 500 сократится примерно до 10 лет при 20 годах сегодня [17].

«Созидательное разрушение», органично встраиваясь в механизм рыночной экономики, становится, согласно теории роста Й. Шумпетера, стратегическим ресурсом повышения качества экономического развития. Мобильность экономики, проявляющаяся в том числе через приход на рынок новых фирм и уход с рынка старых, все заметнее формирует новые рынки, внося тем самым вклад в повышение общей производительности многих стран мира. Так, одно из исследований вклада факторов роста в общую производительность труда таких индустриальных стран, как Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Португалия, США, Финляндия и Франция, показало, что в период с 1987 по 1997 г. вклад входа фирм на рынок и выхода с рынка составил в среднем около 25%.

Общая оборачиваемость компаний (отношение суммы количества вступивших на рынок и выбывших с рынка в процентах к общему числу организаций на рынке хозяйствующих субъектов) в экономике развитых стран в среднем за последние 10 лет составила около 20% (в России – около 15%), т.е. примерно пятая часть всех фирм экономически развитых стран каждый год меняется. При этом темп входа

новых компаний на рынок в среднем составлял около 12% (в России – 10%), а выхода старых – 8% (в России – около 5%). В то же время анализ данных о «перемешивании фирм» фиксирует превышение темпов входа компаний на рынок над темпами выхода, что опять-таки объясняется процессом «созидательного разрушения», при котором замена организаций обусловливается их готовностью участвовать в конкурентной борьбе, сохранять свою жизнестойкость.

Процесс «созидательного разрушения», когда новые организации непрерывно заменяют старые, утратившие жизнестойкость, имеет не только особенности соответственно видам экономической деятельности или формам собственности хозяйствующих субъектов, но и ярко выраженную дифференциацию в современном экономическом пространстве, в том числе и в региональном формате. Заметные региональные особенности вступления на рынок новых компаний и ухода старых прослеживаются как у федеральных округов, так и у отдельных субъектов Федерации внутри округа. С 2001 по 2013 г. общая оборачиваемость организаций имела тенденцию роста во всех без исключения федеральных округах и в большинстве субъектов Федерации. Наиболее высокое ее значение сохраняется в последние годы в Сибирском, Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Лидером по входу новых компаний на рынок среди федеральных округов является Уральский, а внутри него тон задают индустриально развитые Свердловская и Челябинская области (табл. 3).

Региональные различия в мобильности компаний объясняются рядом факторов, среди которых специфические особенности существующего потенциала территории (сырьевая и отраслевая специализация, степень диверсификации экономики, уровень инфраструктурного обустройства, имидж и репутация и т.д.), развитость институциональной среды, место и роль в общероссийском разделении труда. Однако анализ данных о «перемешивании организаций», как правило, указывает на то, что в более устойчивых, динамично развивающихся регионах темпы входа новых компаний на рынок хозяйствующих субъектов выше, чем в других регионах. В значительной степени общая оборачиваемость организаций определяется насыщением рынка хозяйствующих субъектов малым бизнесом.

Таблица 3

Мобильность организаций на рынке хозяйствующих субъектов в среднем за 2001–2013 гг., % к общему числу организаций*

Федеральный округ	Среднегодовой вход на рынок новых организаций	Среднегодовой выход с рынка старых организаций	Среднегодовая общая оборачиваемость организаций (вход на рынок и выход с рынка)
Российская Федерация	10,0	4,8	14,8
Центральный	10,0	3,6	13,6
Северо-Западный	10,3	5,0	15,3
Южный	8,0	5,3	13,3
Северо-Кавказский	7,2	4,4	11,6
Приволжский	10,4	5,6	16,0
Уральский	11,1	5,3	16,4
В том числе:			
Курганская обл.	7,6	5,7	13,3
Свердловская обл.	12,2	6,2	18,4
Тюменская обл.**	10,0	4,5	14,5
Ханты-Мансийский АО	9,4	3,6	13,0
Ямало-Ненецкий АО	9,6	4,5	14,1
Челябинская обл.	11,1	4,5	15,6
Сибирский	10,8	6,5	17,3
Дальневосточный	10,3	5,8	16,1

* Рассчитано по данным Росстата.

** Включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Малое предпринимательство, которое быстрее реагирует на происходящие на рынке перемены, на те или иные деструктивные события в экономике страны и отдельных ее регионах, отличается высокой мобильностью. Многократно доказано, что развитие малого и среднего бизнеса составляет основу не только материального благосостояния, но и экономической безопасности страны.

Представляется, что малое предпринимательство является необходимым и стратегическим активом в плане сохранения и укрепления жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве. Мировая практика показала возможность значительного повышения конкурентоспособности и жизнестойкости территорий за счет современных форм организации малого бизнеса: кластеров, венчурных фирм, технопарков, технополисов. Необходимо добавить и то, что малые предприятия вносят весомый вклад в стабилизацию социальной ситуации в регионах и городах, создавая новые рабочие места, повышая благосостояние местного населения и увеличивая налоговые поступления в соответствующие бюджеты. Будет справедливым утверждать, что инициатива местных органов власти, направленная на поддержку малого и среднего бизнеса, позволит не только сохранить, но и повысить жизнестойкость территории в конкурентном экономическом пространстве.

Список источников

1. *Бранденбургер А., Нейлбафф Б.* Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. – М.: ООО «Кейс»; ООО «Омега-Л», 2012. – 352 с.
2. *Бусыгина И.М., Филиппов М.Г.* Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? // *Общественные науки и современность.* – 2013. – № 6. – С. 5–14.
3. *Бухарова О.* Каждый рубль к месту. На развитие моногородов будет выделено 30 миллиардов. – URL: <http://www.rg.ru/2014/11/18/monogoroda.html> (дата обращения 18.11.2014).
4. *Важенина И.С.* Аграрно-промышленная кластеризация как инструмент социально-экономической суверенизации России // *Проблемы теории и практики управления.* – 2014. – № 7. – С. 48–57.
5. *Важенина И.С.* Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России и повышения благосостояния населения на основе аграрно-промышленной кластеризации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2010. – № 13. – С. 2–10.
6. *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Алгоритм конструирования региональных аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // *Экономика региона.* – 2010. – № 1. – С. 129–136.

7. Волков С.К. Кооперация регионов как фактор повышения конкурентоспособности близлежащих территорий // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 3. – С. 103–107.

8. Городецкая Н., Скачкова К. Это была попытка управлять территорией страны как корпорацией // Коммерсант. – 2010. – 8 апр.

9. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкторы: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII, № 1. – С. 76–88.

10. Жихаревич Б.С. Стратегическое планирование как фактор стимулирования региональной сотруенции // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 3–14.

11. Кутю Д. Секреты жизнестойкости // Управление бизнесом в бурные времена. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 243 с.

12. Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 7–38.

13. Мельников А. Кризис моногородов. Сжимать или ликвидировать? – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/243012> (дата обращения 31.01.2014).

14. Тарануха Ю.В. Стратегия поведения в современной конкуренции // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 2. – С. 68–84.

15. Уэлборн Р., Кастен В. Деловые партнерства: Как преуспеть в совместном бизнесе. – М.: Вершина, 2004. – 336 с.

16. Факторы роста на уровне фирм // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 5. – С. 80–87.

17. Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение: Почему компании, «построенные навечно», показывают не лучшие результаты и что надо сделать, чтобы поднять их эффективность. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 378 с.

18. Чернявский И. Концепция жизнестойкости // Экономист. – 2008. – № 5. – С. 71–77.

19. Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие: Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 301 с.

Информация об авторах

Важенин Сергей Григорьевич (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, заведующий сектором. Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: svazhenin@mail.ru).

Важенина Ирина Святославовна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: isvazhenina@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150609

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 175–199

S.G. Vazhenin, I.S. Vazhenina

RESILIENCE OF THE TERRITORIES IN A COMPETITIVE ECONOMIC ENVIRONMENT

The article presents an authors interpretation of the resilience and vulnerability of the territory in a competitive economic environment. A promising method to classify possible failures and other destructive situations is creating vulnerability maps of the territories. A conclusion is made based on the sociological survey conducted by the authors: in order to reduce the vulnerability and increase the resilience of the territories, it is necessary to maximize competitive cooperation between the territories. As one of the mechanisms to raise the resilience of the territories, the authors propose a program of agro-industrial clustering. It is shown that the resilience of the territories directly depends on the institutional environment for business in the region, the mobility of the economy in this territory, and the reputation of the territory in a competitive economic environment.

Keywords: resilience and vulnerability of the territory, competitive cooperation, agro-industrial clustering, trust, mobility of the economy

References

1. *Brandenburger, A. & B. Nalebuff* (2012). Co-opetition. Konkurentnoe sotrudnichestvo v biznese [Co-Opetition: A Revolution Mindset That Combines Competition and Cooperation]. Moscow, ООО Omega-L, 352.

2. *Busygina, I.M. & M.G. Filippov* (2013). Konkurentosposobnost rossiyskikh regionov: khoroshie instituty ili khoroshaya geografiya? [Competitiveness of Russian regions: Good institutions or good geography?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporaneity], 6, 5–14.

3. *Bukharova, O.* Kazhdyy rubl k mestu. Na razvitie monogorodov budet vydeleno 30 milliardov [Each ruble is in its place. Russia to spend 30 billion rubles on development of single-industry towns]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/18/monogoroda.html> (date of access: 18.11.2014).

4. *Vazhenina, I.S.* (2014). Agrarno-promyshlennaya klasterizatsiya kak instrument sotsialno-ekonomicheskoy suverenizatsii Rossii [Agro-industrial clustering as a Russia's tool to achieve social and economic sovereignty]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the Theory and Practice of Management], 7, 48–57.

5. *Vazhenina, I.S.* (2010). Kontseptualnye osnovy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossii i povysheniya blagosostoyaniya naseleniya na osnove agrarno-promyshlennoy klasterizatsii [Conceptual bases of ensuring the national security of Russia and improving the welfare of the population on the basis of agro-industrial clustering]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 13.

6. *Vazhenina, I.S. & S.G. Vazhenin* (2010). Algoritm konstruirovaniya regionalnykh agrarno-promyshlennykh klasterov v moderniziruемой ekonomike [Algorithm for construction of regional agrarian-industrial clusters in the modernized economy]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 1.

7. *Volkov, S.K.* (2014). Kooperatsiya regionov kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti blizlezhashchikh territoriy [Regional cooperation as a factor for the increase in competitiveness of neighboring territories]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and Abroad], 3, 103–107.

8. *Gorodetskaya, N. & K. Skachkova* (2010). Eto byla popytka upravlyat territoriyey strany kak korporatsiyey [This was an attempt to run a territory as a corporation]. *Kommersant*, 8 April.

9. *Granovetter, M.* (2004). Ekonomicheskie instituty kak sotsialnye konstrukty: ramki analiza [Economic institutions as social constructions: a framework for analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], volume VII, issue 1, 76–88.

10. *Zhikharevich, B.S.* (2011). Strategicheskoe planirovanie kak faktor stimulirovaniya regionalnoy sotruentsii [Strategic planning as a factor of cooperative competitiveness]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1, 3–14.

11. *Coutu, D.* (2006). Sekrety zhiznestoykosti [How Resilience Works]. *Upravlenie biznesom v burnye vremena* [Business Planning in Turbulent Times]. Moscow, Alpina Business Books, 243.

12. *Leksin, V.N.* (2014). Regionalnaya deystvitel'nost' i regionalnye issledovaniya [Reality of regions and regional research]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (82), 7–38.

13. *Melnikov, A.* Krizis monogorodov. «Szhimat» ili likvidirovat? [Single-industry towns in crisis. Force together or liquidate?]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/243012> (date of access: 31.01.2014).

14. *Taranukha, Yu.V.* (2014). Strategiya povedeniya v sovremennoy konkurentsii [Behavior strategy in contemporary competition]. Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and Abroad], 2, 68–84.

15. *Wellborn, R. & V. Casten* (2004). Delovye partnerstva: Kak preuspet v sovmestnom biznese [Business Partnerships: How to Succeed in Joint Business]. Moscow, Vershina, 336.

16. *Faktozy rosta na urovne firm* [Growth factors at the enterprise level] (2005). Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of the Theory and Practice of Management], 5, 80–87.

17. *Foster, R. & S. Kaplan* (2005). Sozidatel'noe razrushenie. Pochemu kompanii, «postroennye navechno», pokazyvayut ne luchshie rezultaty i chto nado sdelat', chtoby podnyat ikh effektivnost' [Creative Destruction. Why Companies That Are Built to Last Underperform the Market—And How to Successfully Transform Them]. Moscow, Alpina Business Books, 378.

18. *Chernyavskiy, I.* (2008). Kontseptsiya zhiznestaykosti [The concept of resilience]. Ekonomist [Economist], 5, 71–77.

19. *Sheffi, Y.* (2006). Zhiznestaykoe predpriyatie: kak povysit nadezhnost' tsepochki postavok i sokhranit konkurentnoe preimushchestvo [The Resilient Enterprise: Overcoming Vulnerability for Competitive Advantage]. Moscow, Alpina Business Books, 301.

Information about the authors

Vazhenin, Sergey Grigorievich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Department Head at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: svazhenin@mail.ru).

Vazhenina, Irina Svyatoslavovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: isvazhenina@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.01.2015 г.